

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лина
КОВАЛЬ

Неверный
МУЖ

18+

Лина Коваль

Неверный муж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035442

SelfPub; 2023

Аннотация

Два года назад я разрушила мир Матвея Андреева и оставила умирать на осколках. Одного. Сейчас Андреев вернулся в город с деньгами, властью, прекрасной женой и непреодолимым желанием мне отомстить... Предыстория – "Неверная жена" ХЭ.

Содержание

Глава 1. Виктория.	4
Глава 2. Виктория.	13
Глава 3. Матвей.	19
Глава 4. Виктория.	25
Глава 5. Виктория.	31
Глава 6. Виктория.	36
Глава 7. Виктория.	44
Глава 8. Виктория.	53
Глава 9. Матвей.	59
Глава 10. Виктория.	66
Глава 11. Виктория.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лина Коваль

Неверный муж

Глава 1. Виктория.

– Вика, привет! Ты уже слышала про нового хозяина торгового центра?

– Привет, Тай. Нет. Да и какая мне разница? – отвечаю подруге, выходя из автомобиля возле продуктового супермаркета.

– Ну, не знаю. А вдруг выгонят?

Задумываюсь на секунду. На то, чтобы открыть свой молодой и перспективный бизнес – детскую танцевальную студию, я оформила внушительный кредит в банке. В помещении выполнен ремонт, закуплено оборудование. Если выгонят? Это будет катастрофа!

Блин.

– У меня договор, – отвечаю растерянно.

Тая удручающе вздыхает.

– Вика, ну какая ты наивная...

– Ладно, – отмахиваюсь. – Потом поболтаем.

Прячу телефон в сумку и жду возле больших вращающихся дверей своего сына.

Марку девять лет.

И это необычайно сложно.

На прошлой неделе школьный психолог заявила мне, что у моего сына в полном расцвете бушует ранний подростковый возраст. Оказывается, дети сейчас развиваются по какой-то ускоренной природой программе. Конечно, определенную роль сыграли сложные семейные обстоятельства.

На самом деле, подростковый возраст многое объясняет.

Например, то, что сын десять минут не выходит из машины.

Мрачно наблюдаю, как он всё-таки сжалился над матерью и выбирается из автомобиля. Боже, когда мой ребенок успел так вырасти?

– Мам, почему мне нельзя посидеть в машине? – возмущается Марк.

– А кто мне поможет?

– Ненавижу магазины. Почему нельзя заказать доставку?

Оставляю этот бунт без ответа и вручив ему тележку, прохожу в торговый зал. Пока петляю между витрин, продолжаю накручивать себя после разговора с Таей, размышляю о смене своего арендодателя.

Начать заниматься танцами с детьми, было моим осознанным желанием. В прошлом я довольно успешный банковский сотрудник. Руководитель отдела по работе с корпоративными клиентами. Наверное, ничего бы так и не поменяла, если пару лет назад не купила абонемент в танцевальную

студию одного известного танцора.

В общем-то, всё и началось с этого злосчастного абонемента... Кто-то признался бы, что вся жизнь под откос.

А я по прошествии двух лет скажу, что всё к лучшему...

Всё, кроме бессонных долгих ночей со своим чувством вины. Вины и бессилия оттого, что ничего не изменить. Ничего и никогда.

От этих мыслей привычно сдавливается ком чуть ниже груди и тяжеломерно с разгоном падает вниз к ногам, так что дыхание задерживается. Это явление тоже мой постоянный печальный спутник. Раньше еще были слезы, но их практически не осталось, и слезные каналы иссохли.

– Мам, можно мне взять набор этих сквишей? (*игрушка-антистресс – прим. Авт.*)

– Возьми, – отвечаю с улыбкой. Психологи психологами, а мой сын еще совсем ребенок. – Пойдем фрукты купим.

Марк уныло плетется за мной с тележкой.

– Что хочешь? – спрашиваю его, хватая мешки со стойки.

– Груши.

– Хорошо, – выбираю самую мягкую Конференцию и складываю в пакет. – Что еще?

Не глядя на сына, изучаю наполненные корзины на витринах.

– Апельсины. Хотя нет...

Марк замолкает, а я спрашиваю:

– Что нет?

Тишина.

– Марк?

Вскидываю на него взгляд.

– Ма-ма, это же Матвей!!! – кричит сын и несется в сторону.

– Марк, – пытаюсь крикнуть, но не могу, потому что уже вижу Его. Голоса пропадает.

Нет-нет-нет.

Что он здесь делает? Зачем вернулся?

Мне тут же становится тесно. Во всем теле тесно, в этом магазине, в этом городе, на этой планете, тесно в этой Вселенной. Рядом с ним тесно и до боли пусто.

Смотрю на коротко стриженный светлый затылок, широкие плечи, узкую талию и длинные, стройные ноги. Лишь бы это был не он!

Хочу, чтобы Марк ошибся.

Но мужчина оборачивается на голос моего сына и его черты лица на секунду ломаются во что-то кривое и болезненное.

Он не рад нас видеть. Это факт.

Я тоже. Тоже хотела бы никогда больше с ним не встретиться.

Представлять, что прошлое было сном гораздо легче.

– Матвей, – совсем уже по-детски кричит Марк и вешается на шею этому чужому мужчине.

Сильные руки словно плети обвивают хрупкое детское те-

ло. Глазами Матвей блуждает по помещению, а когда они сталкиваются с моими... выражение мрачного лица становится растерянным.

Ты не готов, любимый?

Я тоже не готова. Да и можно ли к такому вообще как-то подготовиться?

К тому, что однажды ты случайно встретишь женщину, из-за которой твоя жизнь словно прозрачное хрупкое стекло разбилась в мелкую крошку и разлетелась по всему свету.

– Привет, пацан, – мягко отдирает от себя Марка Матвей.

Словно вкопанная стою на месте, впитывая забытый образ. Конечно, я как могла следила за его жизнью. Это было сложно, потому что он перестал вести соцсети. Вся моя информация о нем за эти два года – какие-то обрывки фраз и случайные фотографии, отпечатанные в памяти.

Заставляю ноги идти в его сторону. Слава богу, руки заняты тележкой, иначе... Иначе моя дрожь была бы тем более заметна.

Подхожу чуть ближе. Настолько, что чувствую запах терпкой туалетной воды. Вымершие рецепторы воспроизводят в памяти всё, что связано с этим неповторимым ароматом.

Эйфория, счастье, дикая всепоглощающая любовь, азарт, похоть, боль, отчаяние... предательство. Моё предательство и смерть...

Его лицо стало более суровым. Словно неживым.

– Добрый день, – говорит мне Матвей, холодными глазами

небрежно проходится по моему телу, которое тут же вслед за рецепторами оживает.

– Привет, – тихо отвечаю.

Пару секунд общаемся взглядами.

«Я не хочу тебя видеть» – читаю в светло-серых льдинках.

«Я тоже» – упрямо отбиваю.

«Я тебя ненавижу...»

«Прости. Прости. Прости»

Я не просила себя любить. Не просила.

– Любимый? – слышу голос справа и тут же поворачиваюсь на него.

Марк отодвигается ко мне.

Красивая брюнетка лет двадцати подходит к Матвею и похозяйски берет его за руку.

– Ты кого-то встретил? – с открытым интересом смотрит на нас.

– Да, Ева, – находится Андреев, приходя в себя. – Мои... знакомые.

Знакомые!

– Матвей, как у тебя дела? Я скучал. Мама сказала, ты насовсем уехал, – начинает тараторить сын.

– Марк, – одергиваю его, пытаюсь улыбнуться. Пытаюсь придать хоть какое-то более-менее приличное выражение лица.

Выходит только гримаса.

– Мы с мужем недавно приехали к вам в город. Я тут со-

всем никого не знаю, – грустно улыбается девушка.

С мужем?! Я словно на огромной скорости в столб влетаю. Влетаю и разбиваюсь.

Она очень приятная. Мягкие длинные шелковистые волосы, ангельские черты лица, высокие скулы и искрящиеся голубые глаза. Одета, как и Матвей, в обычные джинсы и футболку оверсайз, которая только подчеркивает ее хрупкость и женственность.

– Надеюсь, быстро познакомитесь, – отвечаю, поняв, что надо срочно найти какие-то слова.

– Я тоже надеюсь. Матвей ведь вырос в этом городе.

Быстро киваю. Вырос, а потом... чуть не погиб. Из-за меня.

– Матвей, покатаемся на великах? – спрашивает Марк, задирая голову.

Мужчина блуждает глазами по детскому лицу, словно тоже ищет нужные фразы, чтобы не обидеть.

– Если получится, парень, – отвечает, потеревив хохолок из светлых волос на голове у сына.

– Марк, пойдем, – сипло зову. – Не будем мешать.

– Удачи вам, – улыбается Ева, ласково притягиваясь к груди Матвея.

Моего Матвея.

Жена. У него есть жена. Как бы больно мне ни было, я рада, что он нашел силы жить дальше. Пусть хотя бы он живёт, чёрт возьми, дальше!

Разворачиваюсь и иду в обратную сторону. Проклятые слезные каналы спустя два года снова пробуждаются и оттаивают.

Черт.

Ну не здесь же?

– Мы с Матвеем поедem кататься на велике... – радуется сын.

– Он тебе не обещал, – проговариваю медленно.

– А вдруг получится? – спрашивает Марк.

– Вряд ли.

Зачем давать ложную надежду?

В состоянии ступора продолжаю выбирать продукты. Я не в себе. Об этом просто кричат три одинаковых упаковки гречи в тележке и корм для кошек, которых у нас отродясь не было.

Решив все-таки заказать доставку, прохожу на кассу.

Она, как назло, работает одна и перед нами всё те же Андреевы. Крепкие мускулы на мужской спине напрягаются, будто их хозяин чувствует моё приближение. Он не оборачивается. Его тело источает всё тот же ледяной холод и пренебрежение. Марк, слава богу, отвлекается на витрину с водой.

Жена Матвея что-то щебечет, не прекращая выкладывать выбранные товары на ленту. Вдруг ее ладонь с розовыми блестящими ноготками тянется к полкам над кассой и вытягивает из коробки перед моим носом... два теста на беременность.

Боже. Легкие сжимаются до отчаянной боли, выбивая практически осязаемый стон.

Молю. Дай мне пережить эти минуты.

Внутренности больно сдавливают, а душа снова валится в пропасть из разочарования и боли.

Они планируют ребенка. Может быть, она уже... беременна?!

Слава богу, открывается еще одна касса, на которую я тут же со скоростью света перемещаюсь и начинаю складывать содержимое нашей тележки.

Даже под страхом смерти, я ни за что не вспомню, как расплачиваюсь и выбираюсь из магазина на душный июльский воздух. Марк понуро плетется за мной.

Проходя к автостоянке, замечаю БМВ блестящего, черного цвета. Захлопнув дверь за женой, Андреев огибает автомобиль и слегка зависает, когда засекает моё присутствие.

Наши глаза, словно магниты, вновь сталкиваются, и тело передергивает от силы отвращения, с которой Матвей взирает в мою сторону.

Сердце предательски стучит, когда я вкладываю в свой безмолвный взгляд все своё безнадежное упрямство и гордость.

Я за всё, что сотворила, заплатила сполна.

Прости меня... Пожалуйста, если сможешь, когда-нибудь прости. Но... я не просила себя любить.

Глава 2. Виктория.

Существует избитая фраза про то, что «время лечит».

Я в нее не верю. Тем более, после сегодняшней встречи с прошлым. В моем теле так много омерзительных ран, которые два года до одури свербят и ноют, ноют, ноют...

А вчера их словно щедро полили соляной кислотой.

И хочется, чтобы ласково подули, погладили, но некому.

Некому. Во всем огромном отчего-то враждебном мире я со своими зияющими ранами одна. С глазу на глаз с трудными мыслями и неистойвой болью.

После того, как Матвей ушел от моего дома в тот день, я приняла решение, что просто буду жить дальше. Всем назло.

Его отмороженному отцу, своему мужу, который заплутался в своем обмане настолько, что врал он, а страдали мы с сыном.

Всем!

И я живу! Как умею!

Ночью, когда Марк спит, начинается мое самое ужасное время суток. Малодушничая, на секундочку сговорившись со своим чувством собственного достоинства, и постыдно нажимаю на пёструю иконку в телефоне.

Ева... Андреева.

Сердце прожигает болью. Пламенем.

Ева... Андреева.

Что может быть больнее?

У неё есть всё. Мужчина, которого я люблю, его фамилия, ночи с ним. Его руки, губы, тело и душа. А, возможно, еще и ребенок под сердцем.

Ребенок! Которого я потеряла...

Прикусываю костяшку большого пальца, чтобы трансформировать душевную боль в телесную и снова пролистываю фотографии.

Андреевы... очень интересная пара. Но всё же, как бы ни было мне сейчас паршиво, я замечаю изменения в выражении *его* лица.

Оно переменялось.

Стало строже, злее что ли. Где-то там дальше, под слоями разрушительного жизненного опыта мой Матвей.

Улыбчивый, искренний, талантливый. Парень, который, несмотря на умирающую мать, полетел за мной, чтобы просто увидеть. Человек, который много раз признавался мне в любви и разрушил мою оборону.

Мой!

Матвей Андреев сейчас – это лишь его внешняя оболочка. Черная обертка.

Убираю телефон под подушку и даю волю слезам.

Как обычно, обещаю себе, что в последний раз.

Я выдержу. Выстою. Буду взрослой и сильной.

Утром чувствую себя разбитой вазой, которую пытаюсь склеить с помощью боевого макияжа и двойной порции ко-

фе. Приглаживаю светлые волосы и натягиваю джинсы с коротким топом.

В домофон упорно звонят, и я с улыбкой иду снимать трубку. В такое время это может быть только один человек.

– Да.

– Открывай, Сова. Медведь пришел.

Смеясь, нажимаю на кнопку.

С Таисией мы познакомились в роддоме. Обе лежали в палате, в которой не было слышно детского крика. Обе пережили самые страшные мгновения в жизни любой женщины. С тех пор сроднились и теперь даже работаем бок о бок.

– Привет, – заходит подруга спустя пару минут.

– Доброе утро. Ты как всегда спозаранку.

– Знаю, что ты уже не спишь. Где Марик?

– Дрыхнет еще.

– Ладно. Что у тебя на завтрак? Я булочки привезла.

Закатываю глаза.

– Ну какие булочки, Тай?

– С корицей и маком. Не буянь. Ты так много танцуешь, что заплыть жиром тебе не грозит.

– Ладно, – соглашаюсь. – А ты что уже не на диете?

Моя подруга – человек вечно худеющий, но при этом постоянно набирающий вес. Такая вот метаморфоза! Я пытаюсь на эту тему не подшучивать, потому что знаю, как это её цепляет.

– Да пошло все к черту, – машет рукой Тая и осваивается

на моей кухне.

Вытягиваю чашку с верхней полки и делаю кофе с молоком, как она любит.

– Что-то ты сегодня опухшая.? – задумчиво осматривает меня.

На секунду накрываю глаза ладонью.

– Я вчера столкнулась с ним.

– С кем? С Лёшей? – хмурится.

Алексей Свободин – это мой бывший супруг и отец Марка. Мы развелись полтора года назад.

– Да какого Лёшу? Если бы! Андреева...

– Того самого? Твоего Матвея?!.

Моего... Лицо молниеносно скидывает маску и превращается в нездоровую гримасу.

– Он не мой, – нервно произношу. – Он... женился.

– Пздц, – выдает подруга тихо.

– Еще какой, – отворачиваюсь.

Таисия всё знает. Целую неделю в роддоме мы делились деталями своих историй. Чудовищных, несправедливых.

– Подожди, подожди, – вдруг вскакивает Тая с места и летит в прихожую, откуда забегает с небольшой поясной сумочкой. Падает опять на стул и извлекает телефон. Клацает по экрану.

– Матвей Андреев... Ну, все верно.

– Что верно?!

– Пздц, – выдает опять мрачно. Немного кривлюсь от ру-

гательства, которое слышу от нее чаще, чем от кого-либо. Приходится беспрестанно пшикать на Таю в присутствии Марка, когда она забывается.

– Новый собственник помещения – ООО Маяк. А его учредитель – Матвей Анатольевич Андреев.

Теперь я сама приземляюсь на стул и невольно хочу чертыхнуться. Почему мне так не везет?

– Это же несовпадение? – нервно спрашивает Тая, глаза на меня.

– Вряд ли.

– Ну, он же не будет ставить тебе палки в колеса? Зачем это ему? Если Матвей женился, значит счастлив. Может, он вообще забыл уже о твоём существовании и живет себе припеваюче. Хрен этих мужиков разберешь, Вик. Мой Коля вон в третий раз женился, даже не вспоминает обо мне. Козлина.

– Не знаю, Тай.

– Не волнуйся раньше времени. Новый собственник должен связаться со всеми арендаторами в течение месяца и перезаключить договор на другое юридическое лицо. Будем ждать!

Из коридора слышен звук открываемой двери и шаркающие по ламинату шаги.

– О, Марик, с добрым утром, солнышко, – весело проговаривает Тая.

– Привет, – сын забавно трет глаза.

– Когда ты отчаливаешь в свой лагерь?

– В понедельник, – отвечаю на автомате. – Марк, топай умываться и завтракать.

Настроение, которого и так не было, проламывает дно. Целый месяц ждать и думать о Матвее? Что может быть страшнее?

Глава 3. Матвей.

– Доброе утро, Матвей Анатольевич? – слышу робкий голос, от которого тут же уши закладывает, а дыхание задерживается словно перед прыжком в ледяную водную гладь.

Ярость прорывается сквозь плотину, которую я выстраивал годами.

– Я просил тебя никогда меня не беспокоить, – с отвращением четко проговариваю.

– Я бы и не беспокоила, но ты отказался продлить договор аренды?! – упрямо отвечает эта сука.

Какие-то невидимые хирургические нити в груди натягиваются так крепко, что терпеть просто невозможно. Отбиваю звонок и убираю телефон, пока нити не порвались и я снова как милый хомяк с надутыми щеками не начал позорно блеять ей в ответ.

– Кто звонил, любимый? – придвигается Ева, соблазнительно вильнув бедрами.

– Ничего важного. Сумасшедшая какая-то ошиблась, – притягиваю жену к себе поближе и пытаюсь еще вздремнуть.

Нахрена я снова здесь?

В Москве было в сто раз проще.

Легче.

Там я не оглядывался каждую минуту на прошлое и

утренних звонков подобных не было. Лежу в постели с женой, с моей Евой, искренней и преданной, и вспоминаю эту фальшивую суку. Я в уме вообще?

Бесконечно переминаюсь с одного бока на другой.

– Опять болит? – обеспокоенно спрашивает жена, поднимая голову с подушки. – Давай мазь принесу?

– Нет, не надо, – отвечаю, прикрыв глаза.

– Что ты все мучаешься тогда, а?

Ева располагает голову у меня на груди и ласково поглаживает плечо. Обыкновенные утренние манипуляции ее рук перед сексом, но сегодня нет настроения. Ко всему прочему, что принесла в мою жизнь эта тварь, добавилась еще и импотенция.

Бл*дь. Усмехаюсь.

Ева, чувствуя мой настрой, ослабляет хватку и нежно расцеловывает шею.

– Расскажи, как ты жил здесь без меня?

– Пфф, – протягиваю, поглаживая округлые женские бедра. – Нормально жил.

– Ты не любишь разговаривать о прошлом. Там было что-то плохое?

– Много всего было. И плохого.

– Это как-то связано с этим? – шепчет она, поглаживая уродливые шрамы.

Моя ладонь на секунду замирает, а затем продолжает легкие касания.

– Это я просто на рыбалку ходил. Крючок за леску зацепился, – чуть ухмыляюсь.

– Матвей, блин, – ее звонкий смех затопляет нашу спальню.

– Хочешь, в следующий раз вместе сходим? Проконтролируешь меня?

Ее тело вдруг затихает в моих руках, и она печально выговаривает:

– Я хочу ребенка.

– Я знаю, милая. Успокойся.

– У меня не получается.

Господи. Эта тема начинает меня угнетать.

Мы женаты почти полгода, четыре месяца из которых Ева одержима беременностью. Мы трахаемся по часам, пьем витамины, ходим по врачам.

Пока глухо. Ноль реакции.

Для меня это просто вопрос времени, а для нее повод начать выносить мне мозги.

Резко поднимаюсь и, пожелав доброго утра, двигаюсь в ванную, чтобы как можно скорее выбраться на работу.

Вернуться сюда было моим спонтанным решением. Мой друг Кирилл Авдеев, Мавроди, отчалил в Америку, выставив самый крутой офисный центр в городе на продажу. Я только-только вложил почти весь капитал, который достался мне по завещанию от матери в небольшой стартап, связанный с разработкой крутого мобильного приложения и такой

суммой не располагал.

Но что-то вздрогнуло в душе после беседы с Кириллом.

Внутренняя овчарка сорвалась вместе с металлической цепочкой и деревянную будку за собой прихватила.

Предложил другу равное долевое участие с назначением моего юрлица, как управляющей компании. Ему показалось это интересным, и Мавроди, не задумываясь, согласился. Быстро оформили все документально.

Ева, конечно, не хотела уезжать из родного города. Ее можно понять. Она коренная москвичка в тридесятом поколении, об этом мне пять раз сообщила ее мать – Людмила Константиновна, директор какого-то обветшалого музея в пределах Садового кольца.

Когда прилетели...

Это был пздц.

Потому что оказалось, что мне даже воздухом в этом городе сложно дышать. Воздух, пропитанный болью и отчаянием. Воздух, который был свидетелем всего...

Первые сутки был в полнейшем коматозе. Потом немного пообвыкся.

Захватив пиджак и застегивая по пути часы, отправляюсь на кухню.

– Ты сегодня поздно? – спрашивает Ева, размещая передо мной кружку с кофе.

– Постараюсь пораньше.

– У меня совсем нет здесь друзей. Мне скучно. – морщит

идеальное личико.

– Познакомься, – пожимаю плечами. У меня тоже не осталось здесь друзей, но мне похрену.

– Кстати, – ее лицо проясняется. – Я вчера видела твою знакомую.

– Какую? – сердце каменеет.

– Ну помнишь, мы встретились в супермаркете пару недель назад. У нее еще сын. Марк, кажется.

– Угу, – киваю.

– Ну и вот, столкнулись в ресторане, в котором я забирала наш вчерашний ужин.

На секунду загораживаю глаза ладонью. Это что за утро такое!

– Она была с каким-то взрослым представительным мужчиной. Муж, наверное.

Меня снова коротит не по-детски. Разрывает снарядами. Со Свободины она развелась. Я это точно знаю.

Бл*дь!

Живет дальше. С мужиками по ресторанам ходит. При встрече даже не дрогнула. Нос свой задрала, как обычно.

Разворотила всю мою жизнь к херам и свалила в закат.

– Поздоровались? – узнаю, как бы между прочим, обжигаясь горячим кофе.

– Да, она тебе привет передавала.

Пустая кружка с треском валится на стол, а я взлетаю с места.

– До вечера, – быстро целую розовые губы.

В лифте долго занимаюсь изучением выбитых костяшек на правой руке, а потом поднимаю глаза в зеркало. Взгляд шальной, тонна лютой агрессии, но я имею на это право.

Привет она мне передала. Серьезно???

Ну держись, сучка. Я его поймал.

Глава 4. Виктория.

Мой танцевальный класс находится на третьем этаже офисного центра.

Раньше это помещение было каким-то заброшенным заводом или фабрикой, потом здание выкупили и полностью перестроили, привели в надлежащий вид.

Стоимость аренды здесь достаточно высокая. Все из-за того, что рядом с центром города и транспортная развязка располагается совсем неподалеку.

Чтобы начать работать, мне пришлось пойти на курсы по переподготовке. Всего полгода, в течение которых я изучала основную теорию искусства хореографии и знакомилась с педагогическими навыками обучения детей и подростков.

Эти занятия и мой сын – то, что позволило мне не сломаться. Выжить после перенесенных потерь. Возродиться.

– Ну что Андреев сказал? Ты звонила? – Тая нервно тербит корешок у ежедневника на своем столе.

– Ничего он не сказал, трубку кинул.

– Блин, я сегодня по соседям на этаже пробежалась. Всем пришли новые экземпляры договоров для перезаключения. Всем, кроме нас.

– Я поняла, спасибо, – отвечаю Таисии и иду переодеваться.

Скидываю платье и облачаюсь в тренировочный костюм,

состоящий из короткого черного топа, легинс и удлиненной свободной яркой майки. Волосы собираю на макушке в объемную шишку, а все украшения прячу в сумочку, как и обычно.

Остаюсь полностью удовлетворена своим отражением в зеркале, прикрепленном к стене. После вторых родов я была в беспросветной депрессии пару месяцев, перестала ухаживать за собой, поправилась. Озарение, что что-то идет не так, пришло обычным утром, когда я в очередной раз сорвалась на Марка. По пустяку вроде не заправленной кровати.

Что я делаю со своей жизнью?

Куда все летит?

Мой бывший муж Лёша поддерживал меня в тот период как мог. Чаще забирал Марка к себе. Мы сохранили нормальные человеческие отношения, которые со временем трансформировались в какое-то подобие дружеских. Лёша живёт один, насколько знаю, встречается со старшей дочерью и много работает.

Закрываю свой кабинет и спешу в зал для того, чтобы немного размяться перед предстоящим занятием с подростковой группой.

Негромкая музыка наполняет помещение. Закрыв глаза, совершаю первые достаточно простые упражнения. Тепло привычно зудит, а мышцы разливаются внутренним теплом. Концентрируюсь на приятных ощущениях и после легкой разминки, импровизирую с помощью плавных перехо-

дов и линий.

Неожиданно слышится стук открывающейся двери. Для группы еще рано, наверное, это Тая. Неспешно вытягиваюсь, и улыбка сходит с лица.

Привалившись плечом к стене, меня осматривает Андрей. Черт!

Он впервые передо мной в деловом костюме. В строгом пиджаке мужские плечи выглядят шире, а талия еще уже. Андреев все такой же стройный и безумно высокий. Волосы уложены набок, а на лице модная неряшливая небритость. Он красив.

Всё так же красив.

Как дура, жадно разглядываю его образ, пытаюсь прийти в себя. Пробиться сквозь тонкие ветки, состоящие из давних чувств и фантомных болей.

Я скучала. Боже, как же я скучала. Долгими ночами я мечтала только об одном, увидеть его хотя бы на пару минут. Даже такого... Чужого, но бесконечно любимого.

– Что ты здесь забыл? – спрашиваю безразлично, отворачиваясь к стереосистеме, встроенной в небольшой настенный шкаф.

Я не готова сейчас.

К такому вообще вряд ли можно подготовиться.

Матвей молча следит за моими нервными движениями. Цепляю глазами его холодно-непроницаемое лицо, которое не выдает ни одной эмоции. На это показное равнодушие я

не ведусь, потому что упругое тело выдает своего хозяина с потрохами.

Он чрезвычайно напряжен и очень-очень зол. На меня?

Ну конечно, на кого же еще.

– Это ты что здесь забыла? – отвечает, вынимая левую руку из кармана серых брюк. Ладонь, на которой тут же сверкает тонкое обручальное кольцо.

Даже если бы он физически ударил меня по лицу, мне не было бы так больно.

Сглатываю образовавшийся ком в горле.

– Я арендую здесь помещение.

– Срок, отведенный прошлым собственником, истечет на следующей неделе.

Пытаюсь сделать вид, что мне очень интересны аудио кнопки. Испытываю сильное желание нажать на кнопку паузы и подойти к Матвею... Чтобы втянуть поглубже в легкие воздух, который циркулирует вокруг него. Чтобы коснуться кончиками пальцев. Неспешно. Прочувствовать момент. Жалко, что не существует такой возможности.

Он ни капли не удивляется молчанию. Продолжает изучать мою спину. Табун из тысячи мурашек проходится от затылка к шее и вдоль позвоночника. Огибает ягодицы и стекает к ватным ногам.

– Я тебе советую, как можно скорее, подыскать что-то в другом месте.

Медленно оборачиваю голову и смотрю в светло-серые

глаза.

– Чем я тебе помешала?

– Не хочу тебя видеть. Никогда.

Усмехаюсь.

– Все еще любишь меня? – спрашиваю, разворачиваясь полностью. Складываю руки на груди.

Его кадык вздрагивает с такой силой, на секунду кажется, что он вот-вот задохнется. Уже в следующее мгновение Матвей берет себя в руки и сжимает до хруста зубы.

Что ты смотришь на меня, мой хороший? Меня как березовый прутик десять раз разломали и безжалостно потоптались грязными ногами, но сухой я от этого быть не перестала.

– Бог миловал, – наконец-то отвечает. – Мне есть кого любить.

Скучаяще пожимаю плечами.

Черт, почему так больно.

Больно. Больно невыносимо, сердце отчаянно просит свободы. Свободы от его присутствия.

Чуть-чуть потерпеть, Вика. Не сдавайся.

– Тогда все к лучшему, Андреев.

– К лучшему?!

– Конечно, – напряженно киваю. – Хорошая девочка.

Он цокает и морщится.

– Не приближайся к ней.

– Я и не собиралась. Но давай будем честны. Помещение это я отремонтировала за свой счет, установила оборудова-

ние, – провожу рукой в воздухе, обрисовывая зал со встро-
енным в стену танцевальным станком. – Разрывать договор
сейчас неинтересно ни мне, ни тебе.

Матвей переминается с ноги на ногу, как будто ему слож-
но долго стоять.

– За меня переживаешь?

– Просто стараюсь ясно рассуждать. Без эмоций, Матвей.

– Без э-мо-ций, – цинично воспроизводит по слогам.

– Да. Мы взрослые люди... по-моему, – подумав, прибав-
ляю: – Я так точно.

Он озлобленно смеется, закатывая глаза. Потирает висок
пальцами правой руки.

– Взрослая, бл*дь. Ну, давай. Вышлю тебе договор. По-
смотрим, что скажешь.

С этими словами Матвей разворачивается и выходит из
зала, а я мгновенно опускаю голову и жадно ловлю воздух
ртом.

Глава 5. Виктория.

– Добрый день, подскажите, пожалуйста, вы еще сдаете помещение в районе набережной? – по-детски скрещиваю пальчики, чтобы услышать положительный ответ.

– Нет, уже сдали, – выдает грубый мужской голос.

Тяжело вздохнув, бессильно опускаю трубку.

С тех пор как Андреев вернулся в город жизнь закидывает меня всё новыми и новыми сверхзадачами. Я словно с ветряными мельницами борюсь.

Казалось бы, жизнь только-только начала налаживаться, всё встало на свои места.

У Марка летние каникулы, сейчас он отдыхает в загородном лагере. Навещаю его раз в неделю по субботам. Очень хочет домой, но держится мой маленький мужчина.

Ремонт в танцевальном зале сделан, группы более-менее сформированы. Переезжать сейчас в другое помещение – это снова начинать все сначала. Даже если я найду подходящий вариант, не уверена, что родители деток, с которыми мы уже начали заниматься, смогут возить их по новому адресу.

Да и это репутационные риски, в первую очередь.

Только открылись, продали абонементы и уже переезжаем. Меня легко обвинят в мошенничестве. И всё это на фоне ежемесячного банковского платежа по кредиту.

Андреев, гад, точно это осознаёт, у него ведь тоже была

танцевальная студия, он знает все подводные камни, связанные с такого рода бизнесом.

В договоре от него, который пришел мне на почту в тот же день, как Матвей покинул зал, стоимость аренды, по сравнению с договоренностями с предыдущей управляющей компанией, завышена в три раза.

В три!!!

Он сознательно выживает меня из-под своего носа. Не справляется с собой.

Ведет себя как подлец!

Мне тоже ужасно больно видеть его. Счастливого, все такого же привлекательного... женатого. Эти его глаза, точь-в-точь такие же, как у... Когда смотрю на Андреева, я будто проваливаюсь в воспоминания из недавнего прошлого. Снова прохожу через этот ад. Умираю и опять дышу полной грудью.

При этом как-то пытаюсь взять себя в руки. Почему он не может?

Совершаю еще пару «пустых» звонков и отправляюсь на дружеское свидание с Ярославом Александровичем.

В ресторане очень много посетителей. На прошлой встрече, совершенно случайно, здесь же я столкнулась с Евой Андреевой. Она ждала свой заказ возле барной стойки, когда мы с моим бывшим лечащим врачом направлялись к выходу. Жена Матвея узнала меня и приветливо помахала рукой. Осознание, что она ни в чем не виновата, вынудило меня по-

дойти, чтобы перекинуться парой слов.

– Отлично выглядишь, Виктория, – одобрительно осматривает мое облегающее платье Ярослав Александрович и приходит на помощь, выдвигая стул.

Ему около сорока пяти лет. Так же как и я, в разводе. Внешне выглядит довольно солидно и строго. Высокий брюнет, крупный, с темной ухоженной бородой и умными карими глазами. Возглавляет одно из отделений в перинатальном центре и много занимается научной деятельностью. После моей выписки Ярослав заботливо звонил раз в два-три дня, постоянно спрашивая о здоровье и состоянии. Спустя пару месяцев, однажды пригласил на ужин. У нас завязались легкие дружеские отношения, которые я сразу же обозначила. Только в последнее время общение стало переходить в стадию легкого флирта.

Возвращение Матвея ко всему прочему, словно вернуло меня в реальность. Не знаю, может, я боялась отвечать на ухаживания, потому что воображала, как Матвей страдает и мне казалось, я не могу быть счастлива.

Наивная дурочка. Андреев живет дальше. Я тоже должна, по крайней мере, начать попытки.

– Здравствуйте, – немного смущенно склоняю подбородок и откидываю прядь волос с лица.

– Сколько можно выкать? – качает Ярослав головой, тепло улыбаясь. Отмечаю, как удачно сидит на нем темно-синяя рубашка.

– Прости, – машу рукой. – Я все время забываю.

Официант принимает наш заказ и приносит воду.

– Как твоя конференция? Удачно выступил?

Мужчина становится серьезным, как и всегда, когда дело относится к его любимой работе.

– Да, спасибо! Темы докладчиков касались бесплодных браков. Было интересно и познавательно, не терпится применить некоторые инновационные методики в жизнь на конкретных пациентах.

– Я рада, что тебе понравилось. А как Москва?

– Москва стоит. По вечерам было одиноко, ужинал в ресторане при отеле и щелкал пультом от телевизора в номере.

Тихо смеюсь.

– Ну а ты как, Вика? – он легонько прикасается к моей ладони, лежащей на столе. Его рука приятная и теплая, но мне все равно на инстинктах хочется ее сбросить.

Мягко освобождаюсь, чтобы поправить прическу.

– Я обычно, – пожимаю плечами.

– На группе была?

– Нет, я решила больше не посещать ее.

Неонатальный психолог из центра определила меня в терапевтическую группу, которую я должна была посещать два раза в неделю. Первое время это мне очень помогало. Оказаться в моей ситуации в окружении женщин, которые тоже потеряли ребенка на позднем сроке вынашивания или после родов, стало своего рода исцелением. Местом, где тебя пой-

мут и поддержат безоговорочно.

Но с течением времени я начала обнаруживать то, что возвращение раз за разом в свою травму делает мне только хуже.

– В выходные меня пригласили друзья на открытие загородной гостиницы, хочу позвать тебя в спутницы, – ровно произносит Ярослав, с интересом следя за моей реакцией.

– Я даже не знаю, – задумываюсь. Загородная гостиница? Я пока к такому точно не готова.

– Мы можем остаться, а можем вернуться в город после официальной части. Как ты скажешь.

– Давай, я подумаю, – тепло улыбаюсь, чтобы не обидеть его.

– Конечно, я тебе не тороплю, – кивает Ярослав, а потом, снова поймав мою ладонь договаривает, – но и отступать не намерен. Хочу, чтобы ты знала.

Глава 6. Виктория.

Подумав над предложением Ярослава, решаю все-таки согласиться на поездку в загородную гостиницу.

С ним я чувствую себя... безопасно. Он большой и сильный. А еще я ему верю.

Так как утро случается на редкость свободным, решаю съездить в торговый центр, чтобы приобрести новый наряд. Долго выбираю подходящее платье, пока не отыскиваю своё: струящийся шелк, золотистый цвет, выгодно подчеркивающий оттенок загорелой кожи, и основательное декольте. Так как ткань платья не позволяет надеть под него бюстгальтер, приобретаю силиконовые накладки и бесшовное белье.

Заканчиваю свой спонтанный шопинг покупкой изумительных босоножек на устойчивом каблуке.

Скорее бы выходные, уже не терпится выгулять свои обновки и хоть немного отвлечься от проблем.

Проблемы.

Нужно что-то решать с арендой.

Сроки горят, а новое помещение так и не найдено.

Бросив машину у входа в офисный центр, забегаю внутрь.

Тая, как обычно, за набитым бумагами столом занимается просмотром турецких сериалов. Пыталась и меня подсадить, но у меня-то в жизни такие американские горки, что ни од-

ному сериалу не снилось. Даже турецкому.

– Хай, Викуль, – отрывается подруга от экрана.

– Привет, – кидаю сумку на стул. – Ты не разговаривала с соседями по поводу стоимости аренды?

– Разговаривала. Ни у кого, кроме нас, цена не поменялась.

Я не удивлена, поэтому легко киваю в ответ. Беру пластиковый стаканчик и наливаю воду из кулера.

– А ты знала, что Андреев попал в аварию два года назад? – интересуется Тая.

Руки против воли покрываются огромными мурашками, а голос теряется.

– Да, знаю, – произношу тихо.

– Он был в коме несколько дней и потом проходил реабилитацию где-то в Европе. Девчонки сплетничали с утра, я подслушала.

Прикрыв глаза, мысленно переношусь в прошлое.

«Сын известного депутата Андреева А.В. в состоянии сильного алкогольного опьянения попал под колеса легкового автомобиля на центральном проспекте города. Пострадавший в крайне тяжелом состоянии доставлен в больницу. Водитель автомобиля не пострадал.»

Судорожно отключаю радио и трясущимися пальцами ищу контакт Матвея в телефоне.

Недоступен.

Боже.

С тех пор как я его прогнала, прошло три дня.

Если с ним что-то случится. Если он не выживет. Я никогда себя не прощу.

Состояние ступора потихоньку прекращается, и я нахожусь в соцсети страницу Мавроди, Кирилла Авдеева, его друга.

Пишу ему:

«Привет. Это Вика, если помнишь. Мы можем встретиться?»

Пока жду ответ, ничего не могу с собой поделать. Реву навзрыд. Слезы непрерывным потоком застилают глаза.

В тяжелом состоянии. Какие у него повреждения? Когда-то давно, во время учебы в институте, на моих глазах сбили молодую девушку. Она умерла прямо на месте. Столько крови я в жизни не видела. Это было страшно.

Телефон издает противный писк.

«Привет. Помню. Приезжай.»

Кирилл отправляет адрес, который я тут же забиваю в навигаторе. Это оказывается какое-то заброшенное промышленное здание. Оставляю машину у дороги и вдоль страшных серых гаражей иду к входу.

Постучавшись, слышу громкое «Да» и дергаю на себя железную тяжелую дверь.

Твою мать, ну и вонища! Зажимаю нос ладошкой и прохожу внутрь.

– Кирилл?

– Да, иди сюда.

– Что с Матвеем? – спрашиваю истерично, только завидев широкую спину парня. Он носится по помещению, быстро вскрывая шкафы и стряхивая на пол всякий хлам.

– Мот в коме, – отзывается сбито.

– В коме? – переспрашиваю.

Меня словно электричеством сотрясает. Каждая клеточка в теле вздрагивает от ужаса и страха.

– Вика, я не знаю, что у вас там случилось, но Матвей как с цепи сорвался после похорон матери, – злится Кирилл.

Я уже не подавляю слезы, никого не стыжусь. Всклипываю и приземляюсь на колени, зажимая рот ладошкой.

Мой бедный мальчик! В коме.

– В какой он больнице? – спрашиваю сквозь рыдания.

– В первой городской. Блд, да где эти чертовы документы?

– Какие?

– Мота.

Кирилл останавливается посреди помещения и осматривается вокруг.

– А почему его документы должны быть здесь? – непонимающе узнаю.

– Потому что он жил здесь с тех пор, как вернулся с Турции, – мрачно выговаривает.

– З-д-е-с-ь? – еще раз озираюсь.

Забитые деревянными досками окна, обшарпанные сте-

ны, какое-то подобие кухни в углу с электрическим чайником и кружками. В другом конце небольшой диван, рядом с которым знакомый чемодан и валяющиеся джинсы неподдаёку.

– Здесь, Вика. Отец забрал у него ключи от квартиры, машину, всё забрал. А деньги он последние спустил на путевку в твой пятизвездочный отель.

Закрываю лицо руками и реву навзрыд. Плакаю то, во что обернулась наша жизнь за последний месяц. Любовь, страсть, счастье, а потом в непрекращающийся сплошной кошмар...

В уме внезапно начинают мелькать обрывки слов Матвея, брошенные им возле моего дома.

«Я же всё ради тебя... Я в конуре живу... как псина побитая... Мама умерла... У меня ничего не осталось.»

Кирилл шокированно пялится на мою истерику.

– Я ничего не понимаю. Если тебе не все равно, нахера ты это всё сделала с ним? – зло рявкает, нависая сверху.

– Я просто не могла по-другому, – реву в ответ.

– Вика, с тобой все нормально? – вырывает меня из воспоминаний голос Таисии.

То же здание. Только уже отремонтированное и два года спустя. И моя душа, насколько возможно, отреставрирована...

– Да, – мотаю головой, чтобы все картинки сбежали. Снимаю с глаз предательскую влажность.

– Так что будем делать с арендой? – тычет пальцем в договор, лежащий на столе.

Внутри меня вдруг поднимается восстание. Матвей многое пережил, но и я не меньше.

Я тоже пострадала из-за нашей любви! Пусть он и не знает об этом.

– Я поговорю с ним. Сейчас, – хватаю распечатки и быстро иду по коридору в сторону администрации центра.

Секретарем Андреев еще не обзавелся, поэтому без стука залетаю к нему в кабинет.

Он ведет со мной себя так, словно воспитанием не отличается. Я тоже не буду отставать.

Матвей поднимает голову от экрана ноутбука и сощуриив глаза, холодно смотрит и поморщившись спрашивает:

– Что тебе здесь надо?

– Пришла поговорить.

– Выйди, – кивает на выход и снова опускает светло-серые глаза к экрану.

Прикрываю плотнее дверь и прохожу вглубь просторного кабинета. Я настроена решительно.

– Нет, Андреев, ты поговоришь со мной.

– С чего бы это?

– Ты повысил аренду в три раза!

– Это рыночная цена, – пожимает он плечами, закрывая крышку ноутбука и складывая руки на груди.

– Ты врешь!

С его лица слетает маска холодности и во взгляде вспыхивает опасный огонёк.

– Это нормальная стоимость, – цедит он. – Не знаю, каким местом ты поработала, чтобы Мавроди до такой степени лоханулся.

– Ты..., – ловлю воздух ртом и пытаюсь выложить ему все свое негодование, но от обиды не могу вымолвить ни слова.

– Хотя... – Матвей отъезжает от стола и скатывается в кресле чуть ниже, опираясь на подлокотники. Брючная ткань натягивается, похабно выдавая внушительных размеров эрекцию. – Можешь потрудиться тем же местом и со мной, тогда цена останется прежней.

Мои щеки заливаются краской, а сердце предательски сбивается с ритма. Он что намекает, что я и Кирилл..?

– Ну же, Вика, – Матвей наклоняет голову и чуть кивает в сторону паха.

Чудовище!

– Да пошел ты со своими условиями. Я тебе ничего не должна, – бросаю на стол пачку документов. Какой придурок составлял этот договор?

– Должна, – безразлично произносит Андреев. Глаза холодные. Бездушные. Словно все внутренности вытряхнули и через мясорубку пропустили.

Тут же вспоминается наша майская Турция... Его горящий взгляд и мальчишеская улыбка.

Боже, почему ты всё это сделал с нами?

Сложив руки на груди, тихо произношу:

– Судьба с меня сполна собрала все долги, Матвей. Не переживай.

– Ты про что? – хмурится.

– Какая тебе разница? Живи своей жизнью. Будь счастлив.

Иду к выходу.

– Счастлив, – усмехается он. – Ну и дура же ты, Свободина!

Глава 7. Виктория.

В кого он, черт возьми, превратился за эти два года?! В кого?

У меня только один вопрос.

В кого Матвей Андреев превратился?

Мужчина, которого я любила, никогда в жизни не стал бы так себя вести с женщиной.

Тот Матвей, которого я до сих пор люблю, никогда в жизни бы не обвинил меня в том, что я «отрабатывала» стоимость аренды подобным образом.

Хорошо, он злится на меня. Возможно, даже имеет на это моральное право.

Но Кирилл?!.

Как он может так про него подумать?

В пятницу отыскиваю более или менее подходящее помещение в двухэтажном торговом центре, расположенном в двух кварталах от моего дома. Квадратных метров чуть меньше, но и цена дешевле предложенной Андреевым в два раза.

На самом деле я смутно догадывалась, что Кирилл снизил стоимость аренды для меня, просто не подозревала, что скидка настолько значительная. В некоторых моментах я совершенно «зеленая».

Субботний день случается на радость теплым и солнеч-

ным. В ожидании вечера сооружаю несложную прическу и накладываю вечерний макияж. Облачаюсь в новое шелковое платье, от которого кожу приятно покалывает невесомым холодком. Придаю зоне декольте еле заметное сияние с помощью лосьона.

Обещаю самой себе, что проведу сегодняшней вечер в удовольствие и не буду вспоминать про Андреева.

Ярослав встречает меня у подъезда. В темных глазах читаю похвалу и мужское восхищение.

– Я польщен, Вика, – говорит он, подхватывая меня под руку. – Ты прекрасна.

– Ты мне льстишь, но это приятно.

– Ни капли не обманываю.

– Ты тоже отлично выглядишь, – окидываю одобрительным взглядом темно-синий деловой костюм и воротник белоснежной рубашки.

– Постараюсь тебе сегодня соответствовать, хоть это будет и сложно, – с улыбкой отвечает Ярослав, бережно поддерживая, пока я устраиваюсь на сидении.

В дороге общение продолжается в стиле легкого флирта. Многозначительные взгляды, тонкие намеки и случайные касания. Этого так давно не было в моей жизни, что я испытываю легкую эйфорию и воодушевление.

Новая гостиница оказывается в десяти километрах от города. Место превосходное. Голубое озеро с пляжной зоной. На территории несколько детских площадок и даже парк ат-

тракционеров. Надо будет обязательно вернуться сюда с Марком. Точно. Ему здесь очень понравится.

Прогуливаемся по каменным дорожкам, вдоль которых высажены голубые ели и аккуратно выстриженные кустарники.

Встречаем несколько знакомых Ярослава, я на удивление быстро втягиваюсь в разговор и обсуждаю с одной из девушек предстоящий вечер. Сегодня я планирую много танцевать и веселиться.

Настроение так отчаянно набирившее высоту стремительно разбивается, когда глаза находят в толпе знакомую светловолосую фигуру.

Черт.

И почему я не подумала, что он тоже сюда придет?

Не успев отвернуться, засекаю жену Матвея, которая тут же устремляется в нашу сторону. На девушке легкий брючный костюм нежно-розового оттенка.

– Виктория, – приветливо улыбается Ева. – Вот так встреча.

Она оглядывается назад и активно размахивает рукой мужу, указывая на меня. Мол, смотри, кого встретила.

Намеренно не глазаю в сторону Матвея, но всё равно с каждой долей секунды чувствую его постепенное приближение.

Увереннее берусь за рукав своего спутника. Ярослав будто бы ощущая моё внутреннее состояние, окутывает мою ла-

донь своей рукой и чуть сжимает, придавая уверенности.

– Добрый вечер, – холодно здоровается Андреев.

– А мы думали, что здесь будет скучно, – продолжает щебетать Ева.

Да уж, теперь-то точно не соскучишься!

Поднимаю глаза и сталкиваюсь с ледяными светло-серыми осколками стекла.

Рука, согревающая мою ладонь, опускается и Ярослав вытягивает ее перед Андреевым:

– Ярослав.

– Матвей, – ровно отвечает рукопожатием.

– Давайте сядем на банкете вместе, – воркует Ева. – Вика, какое у тебя обалденное платье. Расскажешь, где купила?

– Конечно, – приветливо отвечаю, кружа глазами по симпатичному личику и разглядывая ее наряд. – Мне тоже нравится твой костюм.

– Мы с мужем не планировали так быстро посещать какие-то мероприятия, поэтому я даже не готовилась, – со смешком произносит Андреева.

Врет, как дышит.

На ее лице как минимум профессиональный макияж, на голове – салонная укладка. Значит, собиралась заранее. Возможно, это женская зависть. Возможно, ревность. Но мне с каждой минутой все меньше хочется видеть ее рядом.

Ведущий приглашает гостей внутрь зимнего сада, в котором накрыты столы для банкета. Очень надеюсь на организа-

тора и строгую рассадку гостей, так как совершенно не уверена, что смогу весь вечер держать лицо.

Мои переживания становятся ненапрасными, потому что приглашённые на открытие гости выбирают место самостоятельно. Так мы оказываемся за столиком на четверых.

– Вы давно встречаетесь? – спрашивает Ева, понизив голос.

Бросаю колкий взгляд на ее супруга, который равнодушно озирается вокруг.

– Порядочно, – отвечаю тихо.

Мой спутник, может быть, смотрится и старше Андреева. Возможно, не такой эффектный. Но в моей жизни два года назад уже было такое фееричное шоу, что с эффективностью я решила завязать раз и навсегда.

– Ярослав, а чем вы занимаетесь?

– Я врач.

– Ого. А какая у вас специализация? – продолжает допытываться Ева.

Отвернувшись, закатываю глаза, а когда возвращаю исходное положение ловлю предупреждающий оскал на лице у Андреева. Неужели видит меня насквозь?

– Я репродуктолог, – признается Ярослав.

– Ого, я как раз ищу специалиста в этой области.

– Ева... – осекает супругу Матвей.

– Ну а что??? – удивляется она, награждая взглядами каждого сидящего за столом. – Я что-то не то сказала? Вроде

ведь все взрослые люди?

Снисходительно качаю головой.

– Конечно, – отзывается Ярослав. – Всё в порядке. Я оставлю вам визитку. Запишитесь на прием и конкретно все обсудим.

– Спасибо, – рассматривает белый глянцевый прямоугольник Ева. – Мы уже не знаем, что попробовать, чтобы получилось.

– Ева..., – еще раз предупредительно призывает жену Матвей.

– Всё, всё, всё, – поднимает девушка руки смеясь. – Я молчу, но ночью не отвертись, дорогой.

Ее ладонь проникает под лацкан темного пиджака Матвея, а розовые губы касаются гладковыбритой щеки.

Судорожно отвожу глаза, захватывая в легкие побольше воздуха. Это какое-то издевательство!

Ярослав располагает руку на спинке стула за моей спиной и слегка дотрагивается пальцами до оголенного плеча.

– Все хорошо? – наклонившись уточняет.

– Да.

– Если хочешь, можем уехать? – приподнимает бровь. Рука хозяйничает на моем плече.

Царапаю взглядом чету Андреевых. Ева поглощена происходящим на сцене. Матвей из-под опущенных ресниц наблюдает за нами. Наши глаза сталкиваются и в мою сторону несутся отравленные яростью колючие дротики.

– Давай чуть позже, – тепло отвечаю Ярославу, вкладывая в голос нежность.

Небольшой оркестр начинает наигрывать любимую мелодию из песни Уитни Хьюстон.

– Потанцуем? – предлагает Ярослав.

Вместо ответа поднимаюсь и беру его за руку.

На небольшой импровизированной площадке малоллюдно. Размещаю правую ладонь на мужском плече и оказываюсь подтянута к твердому телу. Мы впервые до такой степени близко друг к другу, если не считать истории нашего знакомства и того, что Ярослав Александрович, как врач, видел меня довольно близко. Насколько это вообще возможно.

Эта мысль отчего-то сильно смешит и я подняв голову отчаянно хохочу.

– Что? – улыбается Ярослав. – Я отдал тебе ногу?

– Нет, просто вспомнила как мы познакомились.

– Ааа, – озадаченно кивает он. – Я понял. Издержки профессии.

Переговариваясь, неспешно двигаемся. Уверенная ладонь Ярослава ласково поглаживает скользящую ткань платья на поясице. Пытаюсь абстрагироваться от ситуации и не замечать обращенного к нам взгляда со стороны нашего стола. Окончательно расслабляюсь в уверенных мужских руках.

Когда музыка стихает, мы приобнявшись, не спеша вышагиваем по проходу.

– А вы почему не танцуете? – смеясь узнаю у Евы, при-

саживаясь на свое место. Ее законного супруга сознательно игнорирую.

– Ааа, нет. Мы не танцуем, – чуть пригибается ко мне. – У мужа травма, он не может танцевать. К вечеру нога нагружается, и он, как правило, прихрамывает.

Перебрасываю взгляд, полный ужаса, на Матвея. Не может?! Дыхание становится поверхностным, сшибается под грузом очередной несправедливости.

Человек, который всю жизнь посвятил любимому делу, больше не может танцевать. Я просто не могу!

Качаю головой и вскакиваю с места.

– Я сейчас, – забирая сумочку, сообщаю Ярославу.

Выбегаю из помещения и жадно хватаю воздух в легкие. Поднимаю голову к небу.

Господи! За что ты так с нами? Это жутко, больно!

Бреду куда глаза глядят, закрыв рот рукой. Когда весь этот ужас закончится?

И почему меня так беспокоит то, что он не танцует?

Почему спустя два года я так реагирую на прикосновения его законной жены к нему?

Услышав шаги, быстро сворачиваю с дорожки в небольшую чашу. Скрывшись за деревом, прихожу в себя. В уме долбит, долбит проклятая музыка.

Боже, пусть он будет на самом деле счастлив. Если он не танцует, я точно знаю, что страдает. Точно знаю, как сильно переживает.

Пусть не со мной, но дай ему счастья.

– Ну и куда тебя понесло? – грубый голос разрывает тишину.

Глава 8. Виктория.

Андреев разъярен, взгляд загорается пламенем. Пиджак, видимо, оставлен на спинке стула в ресторане. Галстук ослаблен, волосы взлохмачены.

– Куда тебя понесло, я спрашиваю, блд? – грубо тащит меня за локоть, словно марионетку.

– Отстань, – выдираю руку и иду дальше вглубь леса.

В босоножках это делать довольно сложно, поэтому скорость оставляет желать лучшего.

Он тащится за мной по пятам.

– Быстро вернулась к своему любовнику, – цедит сквозь зубы.

– Я тебе сказала – отвяжись, – ору что есть силы.

Насколько возможно приумножаю шаг. Летние ночи светлые, но из-за высоких деревьев вокруг мрачновато, помимо этого на кожу приземляются противные комары.

– Не делай вид, что тебе интересны мои травмы.

– Пошел в задницу, Андреев.

– Не делай вид, что ты хоть кому-то в этом мире сочувствуешь, – зло кричит он.

– Пошел нахрен, – роняю через плечо. – Козел.

Пытаюсь убежать. Но крепкие руки агрессивно разворачивают меня и придавливают к первому попавшемуся дереву.

– Нравится с ним трахаться? – спрашивает, показывая

кивком головы в сторону гостиницы.

– А тебе нравится? Нравится с ней? – отвечаю, настырно глядя в светло-серые глаза.

– ДА, – орет словно обезумевший зверь. – Нравится. Пздц, как нравится.

Меня будто бы молнии оглушают, стреляют прямо в грудь. Доносятся до самого сердца и наотмашь потрясают солнечное сплетение.

Дышать становится невозможным. Хватаю воздух урывками, стремясь всю досаду перевести в злость, чтобы позорно не разрыдаться от того, что Матвей Андреев с удовольствием трахает свою жену.

Я так сильно его ненавижу!

Я так сильно его люблю!

Боже. Это невыносимо.

– Нравится, – воспроизводит он еще раз уже спокойнее.

– И мне нравится, – отвечаю ядовито. – Под ним.

Он скалит зубы.

– Как нравится? Лежа, стоя, раком? Как? – спрашивает бешено.

Понимаю, что мы здесь абсолютно одни и надо бы осадить. Выдохнуть. Угломониться. Но я ничего не могу с собой поделать.

Мне больно. До смерти.

Мне больно.

Хочу, чтобы он тоже мучался. Сдавливаю его ладони, ко-

торыми он сдерживает мои руки, пробираясь под кожу острыми ногтями.

– По-разному нравится. Он хорошо трахается, – выплевываю в искаженное агрессией лицо, вызывая задирая голову.

Его лицо морщится так, словно я только что врезала ему с ноги.

– С-с-сука, – тянет Матвей, усмехаясь, – Какая же ты сука. Как я тебя ненавижу.

Отдирает мое тело от дерева и впивается в приоткрытые губы. Сминает их грубым напором языка и зубов. Наказывает. Кусает.

Вгрызается.

Подтверждает свое совершенство и превосходство над всеми остальными мужскими особями.

Вырываю руки и крепко-накрепко окольцовываю мощную шею. Все внутри заливается давно забытым теплом. Светом.

Этот свет не такой, как когда-то. Но это он. Я точно знаю.

Матвей пахнет собой. Пахнет лучшими моментами в моей жизни. Счастьем. Турцией. Сексом.

В сотне метрах от нас его жена, с которой они планируют ребенка.

В сотне метрах от нас огромное количество людей.

Вместо здравого смысла во мне просыпается дикая кошка, которая накидывается на свою добычу.

Мне все равно, что будет потом. Я два года во сне ощущаю

этот запах и эти руки. Я два года не живу. Умираю день за днем.

Пусть завтра меня гольшом привяжут к кресту на главной площади города и сожгут заживо. Как проклятую ведьму.

Потом! Завтра!

А сейчас я наслаждаюсь тем, как его руки сжимают мои ягодицы, забираясь под платье, и совершенно забываю, как дышать.

– Какая же ты тварь, – хрипит он, отвлекаясь от моего рта.

– Ты тоже не подарок, – отзываюсь, возвращая его голову себе во владения. Пальцами перебираю жесткие волосы на затылке.

Мне одновременно хочется зацеловать его и убить. Вредить ему хорошенько. Как такое возможно?

Матвей грубо разворачивает меня и закидывает подол платья на спину.

Секунду помедлив, пробирается пальцами под белье, растирает предательскую влагу по складкам, которые от его прикосновений сладко ноют.

– Сейчас сравнишь, бзд, – проговаривает язвительно.

В звуки нашего одного на двоих тяжелого дыхания добавляется дребезжание металлической пряжки ремня и открывающейся молнии.

Упираюсь щекой в шершавую холодную кору, прикрывая глаза, и ощущаю резкое проникновение горячего члена внутрь. Первый толчок выбивает из меня весь скопившийся

воздух в форме продолжительного стога.

Матвей тоже выпускает какой-то полухрип-полустон.

Ткань его брюк довольно колючая, при каждом приближении жалит оголенные ягодицы, раздавая мелкие микротоки по всему телу.

Сильные руки проникают под лямки платья, спуская их с груди. Отмечают в сторону силиконовые наклейки и сминают заострившиеся соски. Задираю руки и пытаюсь в таком положении охватить его шею.

Прогибаюсь в пояснице и приподнимаюсь на носочки, чтобы острее чувствовать стенками распирающий член внутри, который продолжает вколачиваться все реще и реще.

Быстрее и быстрее.

Подступающий оргазм сдирает все заслонки, и я пишу от удовольствия. Матвей с силой зажимает мой рот, второй рукой продолжая наминать ноющую грудь.

– Ненавижу тебя, суку, – шепчет он, когда кончает.

Этот секс – смесь лютой ненависти с похотью. На грани боли и отчаяния.

Еще пару минут остаемся в этом же положении, чтобы перевести дух.

Затем приводим себя в порядок. В моей сумке оказывается пачка салфеток и зеркало. С волосами я разделываюсь быстро, поправив прическу, убираю подтеки от туши и возвращаю лямки платья на место.

Матвей одергивает рубашку и застегивает брюки.

На друг друга не смотрим. Будто гроза миновала и сказать больше нечего.

– Куда ты выбросил мои накладки? – спрашиваю озираясь.

Он окидывает меня ленивым взглядом, задерживаясь на груди. Соски вновь предательски заостряются.

– А знаешь, что? – произносит он, опуская глаза на землю. – Иди-ка ты без них.

Зло отпинавает ботинком одну из накладок.

Сжимаю зубы, испытывая дикое желание вцепиться ему в волосы.

– Да пошел ты! – заявляю, отправляясь в обратный путь.

Глава 9. Матвей.

У каждого даже самого омерзительного кошмара есть свой срок.

Видимо, мой персональный ад – невероятное исключение из правил, потому что я снова оказался в этой мертвой точке.

В точке, где Вика Свободина вновь заняла главенствующее место. Выше всех бесспорных приоритетов, бережно выстроенных мной за последний год.

Возвращаюсь в зал, беспрестанно наблюдая за аппетитной задницей, упакованной в золотистый приятный шелк. На ней бесцветное белье. Тончайшее. На кончиках пальцев, которые я непрерывно потираю в карманах брюк, до сих пор отпечатки ее нежной кожи.

Душа разодрана, а тело будто только что воскресло.

Мы трахнулись, но оба понимаем, что это абсолютно ничего не значит.

Я никогда ее не прощу.

Никогда не прощу. И ни-ког-да не смогу забыть.

Нужно как-то научиться жить в этой системе координат. Приспособиться к данным реалиям. Заключение договора с совестью, которая периодически выглядывает и неободрительно на меня скалится.

Сердце будто разворочено петардами и снарядами имени Королевы. Я старательно штопаю его днями и ночами, неде-

лями, усердно залечиваю раны, а потом...

Встреча...

Вспышка...

Неконтролируемое Безумие.

Годы идут, а мои локаторы, настроенные на ее невидимые сигналы всё еще исправны.

Вика ожидаемо плавно двигает соблазнительными бедрами в сторону уборных, а я устремляюсь к нашему столику на четверых...

– Матвей, – сладко улыбается жена, заведя меня. Протягивает изящную ладонь с блестящими ноготками.

Ни о чем даже не догадывается.

Не вглядывается, не замечает странный блеск в глазах и развороченные губами Свободиной лицо. Даже не ожидает, что только что мой член пережил гребанный полет на Луну.

Без скафандра, блд!

Это еще один противный укол, который попадает точно в изуродованный шрам на сердце. Презервативов у меня нет. Мы с женой ребенка планируем.

Осознание, что я еще больший мудака, чем казалось минуту назад накрывает с головой.

Иногда, в тишине, рано-рано утром, рассматривая спящее милое личико Евы, мягкие каштановые волосы, выступающие узкие ключицы, верчу в голове вопрос. Кто кого из нас использует больше?

Я – её? Или она – меня?

Ответа каждый раз не нахожу.

Присаживаюсь за стол и захватываю теплую ладонь супруги, поглаживая ложбинку между большим и указательным пальцем.

Упрямо встречаюсь с темными изучающими глазами докторишки. Смотрит пристально, долго, как будто решает задачу со сложными вводными и парой неизвестных. Отвечаю дерзко, нагло. Словно я сейчас хозяин положения, а не наоборот.

А ты не такой дурак мужик, да?

– Любимый, Ярослав Александрович рассказывал мне про инновации при лечении бесплодия, представляешь? Европейская клиника разработала гормональную терапию с хорошими результатами при тестировании.

Ева воодушевлена и очень счастлива. Ее глаза загораются, оттеняя сияющую гладкую кожу.

А я? Счастлив?..

– Отлично, – киваю, посматривая в сторону уборных.

– В понедельник запишусь на прием, – практически хлопает в ладоши жена. – Господи, я буду на седьмом небе от счастья, когда все получится.

А я?.. Буду счастлив?

На каком небе буду я?

Усмехаюсь. Небо?!

Скорее всего, это будет преисподняя, где я отвечу за все грехи.

По проходу, привлекая к своей фигуре заинтересованные мужские взоры, к столику приближается Свободина.

– Ева, давай закажем кофе, – тепло говорю жене, разглядывая надвигающееся лживое создание.

Красивая, глаз не оторвать.

Светлые волосы аккуратно приглажены, макияж в полном порядке. На лице привычное сучье спокойствие и какое-то превосходство над этим миром.

Пожалуй, выдают наш безумный секс в лесу только обрисованные шелком заостренные соски, которые она предусмотрительно закрывает сложенными на груди руками.

Заметив мой взгляд, сжимает зубы.

– Все в порядке? – спрашивает её любовник, когда она грациозно опускается на стул. – Я беспокоился.

Бл. Не переживай, доктор, я о ней позаботился!

– Да, в порядке, – нервно отвечает Вика и потирает плечи, так и не отводя руки от груди. – Замёрзла. Не одолжишь свой пиджак?

– Конечно, – с радостью отвечает Ярослав и поднимается, снимая пиджак. Укутывает им Викины плечи, задевая длинными пальцами кожу на тонкой шее.

Меня рвёт на части. Металлическое кольцо на груди стягивается так сильно, что вздохнуть невозможно. Порциями пропускаю воздух сквозь сжатые в тиски легкие.

Ярослав продолжает играть в галантного спутника:

– Ты побледнела. Может, поедем?

– Да, – отвечает Вика. – Что-то мне нехорошо.

Сверлю взглядом полчаса назад растерзанные мной покрасневшие губы, которые она и сейчас робко покусывает. Внутри меня так много ее запаха и вкуса, что я тут же чувствую их на языке.

Нервничает. Ощущает на себе мой взгляд и нервничает. Но ни за что в ответ не посмотрит.

Вредная безжалостная коза!

– Так бывает, – заботливо проговаривает Ева. – Поезжай, конечно, отдохни, Вика. Сейчас все вокруг болеют, может какой-то вирус.

– Да, – поднимает глаза на мою жену. – Возможно. Спасибо, Ева.

Они с докторишкой поднимаются со своих мест. Вика прячется в его пиджак так, словно ей срочно нужна чья-то поддержка. Будто сама она не справится!

– Спасибо за компанию, – проговаривает Ярослав.

Немного коченею, глядя на протянутую ко мне руку.

Правда жизни нависает надо мной проклятым куполом. Я сейчас поеду к нам домой с Евой, со своей женой.

А этот высокий бородатый мужик поедет трахать мою Виду. Податливую, сексуальную, распластанную на белых простынях.

Мотаю головой, откидывая это видение.

Это, блд, мазохизм приправленный особой жестокостью!

Вскакиваю и чуть реще, чем позволяют правила приличия

отвечаю на мужское рукопожатие. Ярослав делает вид, что ничего не заметил.

После того, как они удаляются. Ева льнет к моей груди.

– Поедем тоже домой, любимый? Здесь скучно.

Дует губы.

– Поехали, – говорю безжизненно, обжигая рот горячим кофе.

Боли не чувствую, нервы атрофированы, эмоции сбиты.

В машине приятно морозит кожу кондиционер. Ева расслабляется и скидывает туфли на коврик, включает дорожное радио.

– Откуда ты знаешь Вику? – спрашивает, вглядываясь в темноту за окном.

Чуть добавляю скорость.

– Она занималась у меня в танцевальной студии.

– У вас что-то было?

Морщусь от тривиальности ее фразы.

– В каком плане? – кидаю на нее цепкий взгляд.

– Отношения?!.

– Нет, – мотаю головой. Отношений точно не было.

Была любовь. Моя. Безответная.

– Хорошо, значит, мне показалось, – удовлетворенно кивает жена.

Некоторое время едем, сохраняя тишину мысли.

– Я так надеюсь на этого врача, – начинает заливать Ева, когда автомобиль заезжает в город. – Я уже никому не верю,

Матвей. А он мне рассказал об этой методике, и я снова за-
жглась.

– Хорошо, – успокаиваю её уверенностью.

– Почему так Матвей? Почему тысячи женщин ходят на
аборты, оставляют своих детей в роддомах, а я не могу про-
сто забеременеть? – истерически произносит.

За ужином она немного пригубила шампанского и сейчас
испытывает устойчивую потребность выговориться.

– Жизнь несправедлива, милая, – сообщаю тяжело вздох-
нув.

– Ты ведь меня из-за этого не бросишь? – спрашивает она,
разворачиваясь ко мне полностью. Чувствую на бедре каса-
ние ее руки.

– Нет, конечно. Успокойся.

– Ты ведь не такой, как... – тихо стонет и отворачивает-
ся. – Прости.

– Всё хорошо. Сейчас приедем домой и ляжешь поспать.
Утром все проблемы будут казаться не такими мрачными.

Я и сам очень на этой надеюсь!

Глава 10. Виктория.

В жизни так складывается, что человек рассматривает себя через призму оценочных суждений. Смотрит на себя глазами своих близких, которые не всегда сами являются добродетелью.

И кто же я сейчас?

Моя мама точно бы сказала – гулящая.

К женщине, изменяющей своему законному мужу в прошлом, добавилась роль любовницы женатого человека. Разница лишь в том, что кроме собственной совести, в данный момент я никого не предаю.

А заботиться о грехах господина Андреева – не моя забота. Хотя, буду честна, Ева мне и симпатична.

Моя бывшая подруга Маша, наоборот, от души расхвалила бы меня. Произнесла бы что-то вроде: «Молодчина, Свободина, растешь!!!». В ее жизни было огромное количество мужиков, и секс она всегда ставила гораздо выше, чем понятия чести и достоинства.

А что думаю по этому поводу я?

Хмм... Я не знаю как надо!

Понятие «правильности» вообще индивидуально. Оно зависит не только от ситуации, но и тесно переплетено с жизненным опытом, воспитанием и чувствами, особенно с последними.

Человек, точно знающий, как и кому нужно жить – всегда остается на шаг позади. Позади тех, кто просто действует! Ошибается, падает и поднимается.

Потому что мир слишком пластичен, а мы, люди – зависимы от эмоций.

После животного секса с Матвеем мое тело физически ломает. В нем словно оживает ментальная память, которая по кусочкам, по кадрам, по микропикселям поднимает из пепла всё, что сознание длительное время скрывало.

Я безвольная. Я липкая бесформенная масса.

Потому что не хочу этому противостоять.

Бережно перебираю в памяти каждую сцену из прошлого. Их до такой степени немного, что приходится прокручивать по одному и тому же кругу снова и снова.

Еще давно обнаружила, что чем больше временной отрезок, проведенный с определённым человеком, тем меньше о нем конкретных воспоминаний. Зато мимолетные знакомства часто откладываются в голове на всю жизнь.

С бывшим мужем, Лёшей Свободиныным, мы познакомились, когда нам обоим было по восемнадцать. Учились вместе в институте. В общей сложности провели бок о бок пятнадцать лет жизни.

Но сейчас, спустя почти два года после развода, каких-то четких общих душещипательных моментов я, хоть убей – не вспомню!

Возможно, наша память каким-то образом связана с ам-

плитудой чувств. И если они, эти чувства, вырываются на высшую отметку, то любой взмах ресниц и каждый поцелуй отправляется в жизненную копилку.

А еще моя бабушка всегда говорила, что «люди хорошего не помнят». И это тоже неправда!

Я помню всё, что связано с Матвеем Андреевым.

И хорошее, и плохое. И самые безоблачные моменты и всё, что случилось после...

Следующая неделя протекает в спокойном рабочем режиме. Матвея я, даже случайно, не встречаю. В новом помещении арендодатель делает косметический ремонт, мы с Таей работаем со сформированными группами и устраиваем мозговой штурм. Сочиняем анонс специальных условий для тех учеников, кто приобрёл абонементы и сможет посещать занятия по новому адресу.

Вроде бы ситуация налаживается, но глаза все чаще упорно разыскивают на парковке возле офисного центра черный БМВ, а сердце сбивается каждый раз, когда автомобиль немецкого производства все-таки там оказывается.

Глупо.

Безнадежно глупо чего-то ждать от него. Глупо думать, что горячий секс что-то решит.

Матвей не простит. Даже если все узнает. Даже если рассказать.

Поздно.

В выходные встречаю сына из загородного лагеря. Много

гуляем и разговариваем. Марк рассказывает о том, как провел эти несколько недель, показывает фотографии и самостоятельно разбирает свой чемодан. Я внимательно слушаю и удивляюсь, как быстро он успел подрасти.

В воскресенье навещаю мою маму. За последний год наши отношения ухудшились. Просто, потому что я перестала терпеть ее нотации и советы.

Ощущение того, что все идет по плану, рушится в понедельник утром. На телефон поступает звонок от Максима, агента по недвижимости, который помогал в поисках нового помещения.

– Виктория, добрый день!

– Да, добрый, Максим, – отвечаю, выходя из машины возле офиса.

– К сожалению, вынужден вам отказать в аренде, – озадаченно произносит он.

– Как? Мы же договаривались! – хмурю брови. Что еще за...?

– Собственник помещения принял такое решение.

– В связи с чем?

– Насколько я знаю, он запросил рекомендации у собственника вашего прошлого зала. Ему показалось странным, что вы так быстро съезжаете.

– И что там? – нетерпеливо спрашиваю.

– По всей видимости, рекомендации не устроили.

Зло отбиваю звонок.

Черт. Черт. Черт.

Я убью его!!! Своими руками!

БМВ на парковке отсутствует, поэтому я быстро набираю номер, выученный мной наизусть.

– Да, – слышу ровный бархатный голос.

– Ты дал мне плохие рекомендации? Серьезно??? – шиплю в трубку.

– Ага, – соглашается он, смеясь.

Мерзкое чудовище.

– И что ты сказал, Матвей? – усмехаюсь. – Что я бумагу у тебя ворую из туалетов?

– Не-ет, – тянет иронично.

– А что тогда?

– Правду сказал. Что ты лживая сучка.

Отчего-то степень его эмоций гасит мои возбужденные нервы. Ему не все равно. Он может сколько угодно прикидываться, но я ему не безразлична.

– Да пошел ты! Придурок чертов. Быстро позвони и скажи, что ошибся.

– Ошибся? – выдает так, словно он не умеет ошибаться.

– Ошибся, – повторяю и тяжело вздыхаю. – Спутал меня с кем-то, забыл принять таблетки от Альцгеймера. Я не знаю, что ты скажешь, Матвей.

В трубке повисает тишина.

– Ну что ты молчишь? – повышаю голос.

– В десять, – проговаривает он сухо. – Жду у себя.

Глава 11. Виктория.

На часах еще полдевятого, поэтому я захожу в студию и пытаюсь прийти в себя с помощью кофе.

Я одновременно не хочу его видеть и до омерзительности этого желаю. Парадокс.

Моя плоть поражена неизвестным вирусом. Ни один человек на земле не скажет, когда это пройдет. И пройдет ли вообще. Я всю жизнь буду мучаться. По крайней мере, в этот момент я точно так предполагаю.

Дрожь усиливается по мере приближения стрелки к назначенному времени.

Как я устала от развязанной им войны!

Зачем он меня мучает?!

Женился, планируешь ребенка – живи счастливо. Радуйся. Выбирай пеленки, коляски. Нет, ему нужно обязательно быть рядом со мной и творить свои безумия.

Быть отвратительным.

Без трех минут десять проверяю идеальность макияжа, прическу, поправляю платье и отправляюсь в кабинет к Матвею.

Впервые за все это время стучусь и жду ответа.

– Да, – слышу голос и проваливаюсь в омут. – Входи.

– Привет, – говорю с порога.

– Привет еще раз, – отрывается Матвей от ноутбука, резко

его захлопывает и кивком указывает на стул напротив.

Высоко подняв голову, прохожу вглубь кабинета. Сразу начинаю с обвинений:

– Скажи мне, ты намеренно портишь мне жизнь?

– Ты о чем?

– Я о твоих «нелестных» рекомендациях.

– А, это...

Матвей искренне улыбается.

Точно так, как делал это раньше. Словно не было бесчувственного и заносчивого Андреева на протяжении последнего месяца.

– Ты смеёшься? – склоняю голову, разглядывая случившиеся с ним за последнюю неделю метаморфозы.

– Нет. В этом здании, которое ты выбрала плохие коммуникации.

– Плохие коммуникации?

Он точно издевается!

– Да, – кивает, а потом резко поднимает голову. – Я не об этом хотел поговорить.

– А о чем?

Матвей долго изучающе меня осматривает.

За неделю в его взгляде действительно что-то поменялось.

Я пока не понимаю, что именно, поэтому сканирую его новый образ и пытаюсь разобраться.

– Как ты себя чувствуешь? – вдруг спрашивается, блуждая светло-серыми глазами по моему лицу.

– Как я себя чувствую? – переспрашиваю. – Seriously? Для этого меня позвал?

– Это просто вопрос, Вика, – задирает брови.

– Нормально я себя чувствую.

– Я... хмм, был груб? – держит паузу, а потом добавляет. –

Там, в лесу?

Прожигаю его взглядом.

То, с какой легкостью он говорит о нашем сексе, слегка обескураживает. Почему-то я искренне полагала, что мы не будем об этом вспоминать. Сделаем вид, что этого не было.

Вспышка.

Помутнение рассудка.

Заговор природы против нас.

– Ты был груб. – соглашаюсь ровно. – Но мне нормально.

– Окей.

Матвей откидывается на спинку стула, соединяет руки в замок на груди и продолжает разбирать мое лицо на атомы и молекулы.

– Я хочу извиниться перед тобой, – произносит тихо.

Что? Он пригласил сюда, чтобы... извиниться???

– Нет проблем, – отзываюсь, пожав плечами.

– Я...

Андреев замолкает и отводит глаза вправо, словно подбирает нужные слова.

– Пздц, как сложно, – выражается, мотая головой. – Я хочу сделать тебе предложение.

Из моего рта неосознанно вылетает какой-то возмущенный писк.

– Ты вроде как женат? – недовольно проговариваю.

Матвей ухмыляется и цепляет глазами кольцо на левой руке. Слежу за его взглядом и ловлю острый болезненный толчок в груди.

– Предложение больше деловое, – проговаривает он ровно. – Ты же деловая женщина теперь...

– Деловая, – соглашаюсь.

– И взрослая? – ямочки на щеках становятся отчетливее, а в глазах показываются танцующие черты.

Он что... флиртует?!

– Говори уже, – недовольно ворчу.

– Я хочу тебе предложить... встречаться.

– Встречаться?

Блин, я как детская игрушка-повторюшка, которая ловит и воспроизводит каждое слово. Но его поведение и то, что он несёт сегодня никак, не вяжутся с его образом в последние недели.

– Встречаться.

– Для чего? – непонимающе уставляюсь на него.

Матвей иронично закатывает глаза.

– Ты точно взрослая? Для занятий сексом, конечно.

– Пфф... – одно-единственное что способен выдать мой мозг на это предложение.

Его лицо на секунду превращается в гримасу, и Матвей

продолжает:

– Я подумал. Ты, конечно, в прошлом поступила со мной, как сука.

Голос глухнет, а его хозяин вкрадчиво целится в мои глаза.

Отвечаю прямым немигающим взглядом.

Если он думает, что я буду оправдываться – ошибается.

Я за все заплатила сполна.

Я... хоронила нашего с ним сына, пока он упивался своей болью и ... творил херню.

Я пыталась справиться со всем, что обрушила на меня жизнь, а он как ни в чем не бывало, вернулся из Москвы женатым.

Поэтому иди в задницу, Андреев. Я буду всегда смотреть в твои глаза. Прямо и не стыдись.

И я тебе ничего не должна.

Всё это я вкладываю в свой взгляд и упрямо посылаю ему. Матвей продолжает:

– Несмотря на это, я все еще хочу тебя. Я... бл*ть, это какое-то наваждение. Я не могу спокойно жить. Настоящее для меня пропитано прошлым. Я запрещал себе думать. Ставил барьеры, даже в мыслях старался туда не ходить. Но постоянно был не в настроении. А когда думаю... о том, что ты сделала, возвращаюсь – меня несет, и я злюсь. Пздц, как злюсь.

Грею себя, потирая плечи. Всё это настолько мне близко, настолько мои чувства зеркальны, что я немного шокирова-

на и обескуражена.

– Я люблю свою жену, – говорит он, выколачивая из моего сердца всю кровь. До доньшка. До капельки. Это так больно, что я инстинктивно дотрагиваюсь до груди. – Но словно мешок с камнями волочу за собой груз наших с тобой недоотношений. Я пришел к выводу, всё что у нас было – это нелюбовь!

– Нелюбовь? – повторяю глухо. Сердце продолжает задыхаться. Мысленно делаю ему прямой массаж. Моя ладонь, лежащая на спинке стула, сдавливается до побелевших костяшек. Раз за разом сжимаю ее, испытывая боль.

Прячу глаза в ворохе бумаг на офисном столе.

Матвей резко поднимается с места и отворачивается к большому окну. Располагает руки в карманах строгих брюк. Исследую его затылок с чуть отросшими светлыми волосами, белизну идеально отглаженной, по всей видимости, женой дорогой рубашки, стрелки на серых брюках. Жду, когда он заговорит, потому что я, черт возьми, не могу вымолвить и слова.

– Нелюбовь, – хрипло проговаривает, смотря на улицу. – Мы притянулись только благодаря сексуальной энергии. Наши отношения были завязаны лишь на сексе. Просто-напросто в свое время мы... недотрахались.

Недотрахались!

Делаю основательный вдох-выдох.

– Надо завершить то, что начали. Прожить эту сексуаль-

ную похоть до конца. Потому что эта... проблема. Она мешает жить дальше, мешает двигаться вперед.

Матвей разворачивается и, окинув меня палящим взглядом, продолжает:

– Я хочу полноценную семью, поэтому должен закрыть гештальт.

Нервно смеюсь, растирая лоб пальцами. Потихоньку прихожу в себя. Сердце ощутило очередную шоковую терапию и запускается на новый круг кровообращения.

– А при чем тут я? – узнаю непонимающе. – Сходи к психологу.

– Я ходил.

– Сожги куклу с моим лицом, напиши письма умершим родственникам, я не знаю, что там еще можно сделать?

– Я хочу пойти путем, что тебе озвучил, – непримиримо произносит, снова размещаясь в кресле.

– А мне какая радость с этого?

– Я оставлю договор в неизменном виде, со старой ценой, – проговаривает он, кивая на бумаги передо мной.

Бегло просматриваю шапку договора и пункт со стоимостью аренды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.